

Борис
Олейник

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Горбачев

КНЯЗЬ ТЬМЫ

**Филипп Денисович Бобков
Борис Ильич Олейник
Валентин Сергеевич Павлов
Неизвестный Горбачев. Князь тьмы (сборник)
Серия «Гении и злодеи»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373371
Неизвестный Горбачев. Князь тьмы.: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47954-2*

Аннотация

Автор этой книги, Борис Ильич Олейник, писатель, публицист и политический деятель, хорошо знал Михаила Горбачева. В «перестройку» Б. Олейник являлся депутатом Верховного Совета СССР, заместителем председателя Палаты Национальностей Верховного Совета СССР.

Будучи человеком глубоко верующим, православным, Борис Олейник еще тогда заметил, что период правления Михаила Горбачева странным образом соответствует библейским пророчествам о пришествии посланца Антихриста. В стране одно за другим происходили события, трудно объяснимые с точки зрения обычной логики: страшная черныбыльская катастрофа, гибель теплохода «Нахимов»; лоб в лоб сталкиваются поезда, одна за другой взрываются шахты. Наконец, взрывается Карабах, детонируя цепную реакцию кровавых гейзеров в Тбилиси, Оше, Сумгаите, Баку, Южной Осетии, Вильнюсе, Тирасполе.

В то же время Горбачев постоянно вел переговоры с западными лидерами за закрытыми дверями. И переговоры эти происходили странным образом и в странных местах. Общественность никак не могла взять в толк: чего это, к примеру, Горбачева потянуло встречаться с Бушем... на Мальту? На Мальту, имевшую зловещую славу острова, где гнездились разные рыцарские ордена, поклоняющиеся сатане...

Описывая биографию и политическую деятельность Михаила Горбачева, автор приходит к выводу, что он был предназначен князем тьмы для разрушения России.

Содержание

Горбачев. Князь тьмы	4
Предисловие	4
Горбачев – известный и неизвестный	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Борис Олейник, Филипп Бобков, Валентин Павлов Неизвестный Горбачев. Князь тьмы

**Горбачев. Князь тьмы
Борис Олейник**

Предисловие

Был горячий, веселый день конца мая 1987-го.

После раскаленной до предела стеклянной банки номера «России» даже пропитанный гарью московский ветерок казался благом.

Я стоял у северного блока гостиницы, лицом к кремлевским стенам в ожидании коллеги «с колесами». Всесоюзный съезд общества «Знание» близился к завершению, но я счел уместным освободить его от своего присутствия до окончания работы, поскольку моя скромная персона вызывала раздражение не только президиума, состоящего почти сплошь из академиков, но и властных верховных сфер.

Накануне, выступая в прениях, я всего лишь призвал «говорить правду, и только правду», какой бы горькой она ни была. Не умалчивать ее, ссылаясь на высшие государственные интересы.

Разве это секрет, что и после чернобыльской беды мы все еще не дали ответа на множество острых проблем атомной энергетики? Что на Украине, в одном из наиболее населенных регионов, занимающем лишь около 3 процентов территории страны, размещено почти четверть общесоюзных мощностей АЭС? Что вскоре нам придется решать проблему захоронения миллионов тонн радиоактивных отходов? К лицу ли нам, отцам, закрываться от пытливых глаз наших детей зонтом секретности? Уж коли ныне, с высоты космической орбиты, можно прочесть полосу «Правды» с призывами к гласности, то уж «заметить» АЭС труда не составляет. К слову, не у нас же, а у них, в частности в США, впервые после аварии на АЭС возник кризис доверия к станциям.

По нынешним меркам подобная смелость вызовет разве что снисходительно извиняющую улыбку. Но по тем временам (а это был 87-й), когда цензура строжайше «просеивала» все, что касалось Чернобыля, эти и другие приведенные мной факты вызвали настоящую истерику. Теперь уже могу открыть, что цифры касательно Украины, впервые обнародованные на съезде, кроме других источников, я позаимствовал и из статьи Б. Е. Патона, именно из того ее фрагмента, который был изъят цензурой.

Естественно, это задело не только Центр, но и киевские верхи, которых, по обыкновению, сразу же проинформировали проворные доброхоты. Так что оставаться до окончания съезда, согласитесь, не было резона.

* * *

Итак, я стоял у входа в гостиницу «Россия». Поскольку спешил к поезду, внимание мое было приковано к стрелкам часов. Но все же боковым зрением я заметил какой-то игрушечный, ярко раскрашенный самолетик, который то появлялся почти над головой, то пропадал

из виду. Раза два он как бы принаравливался сесть на мосту, что слева от гостиницы, и снова взмывал вверх.

Время от времени возле меня останавливались случайные прохожие, буднично спрашивали: не знаю ли, что это за самолет? Я так же буднично отвечал, что не ведаю, но, возможно, это какой-то рекламный полет. Так подумалось, ибо чего-то другого не мог предположить.

Наконец самолетик, сделав еще один круг, сел прямо... на Красной площади. Метров за 150 от меня. И за 50 – от Мавзолея. Из кабины выпорхнул юркий, худощавый юноша, кажется, в белом костюме или комбинезоне.

В этот миг и причалил коллега «с колесами». Он тоже заметил самолет и шутливо спросил, что это, мол, за истребитель? Забрасываясь в кабину, я в тон ему повторил свою версию.

И только в поезде, на следующее утро, за несколько километров от Киева, слух уколола фраза из вагонного репродуктора. Я даже не разобрал слов, но, видимо, недремлющее подсознание автоматически отреагировало на нечто, и вправду выходящее за весь предыдущий жизненный опыт.

Не успел я осознать услышанное, как вдруг вскочил сидевший напротив меня грузный, уже почтенных лет сосед по купе и растерянно выдохнул:

– Вы что-нибудь понимаете?!

– Да вот, не совсем уловил...

– Только что передали: какой-то немецкий самолет, не замеченный ПВО, сел... где бы вы думали? Возле Кремля, у самого Мавзолея!

Меня буквально подбросило:

– Господи, да я же видел, как он садился!!!

Возле нашего купе уже сгрудились пассажиры изо всего вагона. Как сквозь вату, к моему сознанию пробивались сначала встревоженные, а потом и все более гневные голоса:

– Но это же черт знает что...

– Ну дожились...

– Такого позора я не переживу... Мы даже в сорок первом...

– Вот так-то, папаша. Вы в сорок первом отстояли Москву, а мы ее вчера сдали... – попытался съюморить бодрый парняга, но его зашикали.

Словно сквозь туман, ступил на перрон. Странное чувство – не то безволия, не то безысходности – овладело мной. Я впервые почувствовал себя маленьким, слабым и незащищенным...

* * *

Уже на привокзальной площади, уловив какой-то гул, непроизвольно съежился и опасно посмотрел вверх: не заходят ли?.. Как в сорок первом, когда над нашей беженской валкой заходили в пике – с тем особенным, прерывисто-волчьим воем – немецкие штурмовики. Но и тогда не было этого чувства тоскливой безысходности: нас защищали пусть и фанерные, но такие родные истребители. Они отчаянно вступали в бой со стервятниками, горели, но все же защищали. Защищали нашу надежду на избавление.

И даже в сентябре 41-го, когда в какой-то полувоенной автоколонне нас вместе с матерью взяли в плен фашисты, – даже тогда надежда на избавление не угасала.

Однако в тот день 87-го и надежда, которая умирает последней, угрожающе пошатнулась. Может, именно в то утро впервые поколебалась и моя беспредельно наивная вера в Вас, Михаил Сергеевич?

Но мне, принадлежащему к поколению, за каких-то три десятилетия пережившему крушения трех идолов и трех переписанных в угоду им «историй Отечества», чисто человечески не хотелось потерять веру в четвертого. Ибо, по законам предков, по всем писаниям и предписаниям человеку уготовано выдержать три искуса, а дальше уже грозит потеря точки отсчета и ориентиров.

Увы, человек только предполагает, а располагает... И то, в чем не хотелось, да – признаюсь – и ныне еще не хочется убеждаться, с того, рустовского «налета» неотвратимо вело к осознанию непоправимого.

И в этой книге я обязан в меру своих сил и возможностей вскрыть смысл и последствия Ваших деяний, ибо, волею судеб и я был причастен к ним.

Не в моих правилах посылать стрелы в спину уходящему, но мы с Вами, Михаил Сергеевич, уже не просто частные лица, а составные, и, если хотите, катализаторы того процесса, который привел не только нас – все общество к нынешнему состоянию. И невзирая на ранги, несем личную ответственность перед современниками и грядущими поколениями.

Следовательно, мое – не только мое. В той или иной мере это сомнения, разочарования, мучения, самоосуждения многих и многих соотечественников, сограждан и современников.

А впереди еще подрастающая поросль, которая теперь, по вполне естественным возрастным причинам, не знает, чем ей придется расплачиваться за все ВАШЕ, МОЕ, за все НАШЕ...

И если я буду касаться Вас лично, то не только как личности, а прежде всего как феномена. Следовательно, все оценки, какими бы они горькими ни были, распространяются и на меня в одинаковой степени. Как ни тяжело осознавать, но я иду на это сознательно, как на обряд очищения...

Горбачев – известный и неизвестный

Мы помним, как хорошо Вы, Михаил Сергеевич, говорили, исподволь приближая нас к общечеловеческим ценностям. Естественно, мы (я имею в виду писателей, творческую и научную интеллигенцию) были на Вашей стороне в борьбе с ортодоксами. Не все, разумеется, но авторитетное большинство. Мы пытались помочь Вам и Вашим сподвижникам в преодолении самого упорного узла сопротивления новациям – психологии, выработанной десятилетиями пропаганды приоритетов революционной необходимости. Очень уж нам хотелось быть «цивилизованными»! А если без иронии – налицо были все признаки если и не угасания, то, по крайней мере, явно ощутимого торможения в движении «нашего паровоза». Надо было что-то менять, причем – немедленно.

Трудно Вам давалась эта переоркестровка ценностей, но Вы упорно переписывали партию замшелых стереотипов.

Да, трудно Вам было невероятно. Со временем, правда, Вы втянулись в этот изнурительный марафон, отработали речевой ряд, но на первых порах...

Ваша нечеловеческая выносливость удивляла и восхищала.

Выступления, встречи, совещания, конференции, интервью в залах и на площадях. Правда, в некоторых фрагментах Вы начали повторяться, но сие мы относили за счет ретроградов, которым надо было упорно напоминать, вдалбливая новое мышление.

Очевидно, кто-то из простаков Вам подсказал тему борьбы с алкоголизмом. Я подчеркиваю – не из простаков, ибо этим призывом Вы привлекли на свою сторону сразу две мощные общественные силы: женщин, как наиболее страдающих от сего зла, и не менее влиятельный слой – интеллигенцию. Не скажу, что всю, может, даже не большую, но зато – самую активную, национально zaangażированную часть ее, которая смотрела в будущее. Будущее же виделось весьма сумрачным, если учесть количество потребляемого алкоголя, побившее все дореволюционные и послевоенные «рекорды». Словом, интеллигенция, сознающая свою гражданскую ответственность за сохранение здоровой наследственности нации, тоже стала под Ваши знамена.

Но, по нашему обыкновению, идея вскоре была скомпрометирована крайностями, вплоть до вырубki виноградной лозы. Грешили прежде всего на Лигачева. Меня тоже покорила его фраза, брошенная сгоряча, кажется в Армении: мы, мол, не посмотрим на национальные традиции. Но я не верил, не верю и никогда не поверю, чтобы Егор Кузьмич когда-либо давал прямые указания на уничтожение виноградарей.

Так или иначе, а образ «врага» (тут еще и Гдлян с Ивановым весьма своевременно постарались по другой линии) в лице Егора Кузьмича был создан и мастерски апплицирован на ту часть интеллигенции, которая, став под Ваши хоругви, искренне боролась за здоровье населения. Причем, тонко сместив понятия, ей приписали – что бы вы думали?! – великодержавные замашки.

Странно Вы повели себя в этой ситуации. По элементарной логике, знаменосец и автор идеи вроде бы должен отстаивать своих сподвижников. Вы же как-то незаметно ушли в сторону, оставив их в качестве мишеней для измышлений «прорабам перестройки».

Может быть, именно тогда родилось что-то похожее на сомнение в Вашей искренности? Но в те времена моя вера была еще настолько избирательной, что я мог сомневаться в ком и в чем угодно, кроме Вас.

Это уже потом... А до того... до того я Вам, как и многие другие, верил безраздельно. Тем более что Вы приняли участие и в моей судьбе, которая одно время висела на волоске.

* * *

Мои взаимоотношения с властями на Украине складывались по-разному. Как и многие другие, попав в крестовину особого внимания в 60-е, я с тех пор то выныривал, то скатывался вниз, вплоть до неоднократного снятия с работы. А одно время после голосования против исключения известного во всем мире правозащитника Ивана Дзюбы из Союза писателей – я «загрелся» так, что почти два года был «на творческих сухарях», само собой – без права печатания и выезда.

...Давно намекали посвященные, что на меня упорно «капают» Щербицкому, или ВВ, как его именовали. Причем не только письменно («националист» или, по крайней мере, «национал-коммунист»), но и устно, доверительно, чуть ли не в семейном кругу. Если первые доносы еще можно было как-то попридержать (а честных людей и в ЦК было немало), то доверительные, сказанные на ушко, доходили до адресата. Но я надеялся: ВВ, как человек опытный, рассудительный, разберется что к чему.

Вскоре мне как-то под вечер позвонил старый друг и полунанеками предложил «пройтись». Рассказал следующее. На Политбюро, помимо других дел, рассматривался регламент и предполагаемые выступающие то ли на предстоящей сессии Верховного Совета, то ли на партийном пленуме. Все шло как обычно. Но тут среди предполагаемых ораторов кто-то назвал мою фамилию. И вдруг, всегда сдержанный и осторожный в выражениях, ВВ буквально взорвался. Он кричал: я же говорил, что этому человеку (т. е. мне. – *б. о.*) нельзя давать слова, вы что – не слышали, что он болтает?! И не только здесь, но и там! (сиречь в Москве. – *б. о.*). Мне же говорил имярек (он назвал фамилию одного из моих коллег. – *б. о.*), что Олейник серьезно свихнут на нащпочве! (При этом многозначительно повертел перстом у виска.)

Ошарашенные участники того заседания буквально съезжились. Моего старого друга особенно встревожило то, что сей «диагноз» был выдан Щербицким не в узком кругу членов ПБ, а в присутствии заведующих отделами.

На сей раз даже мне, тертому, стало не по себе: я вполне осознавал, что фраза насчет свихнутости, брошенная, возможно, сгоряча, для особо рьяных прихлебателей могла послужить прямым указанием со всеми вытекающими... Какая-то машина «касается» бортом... «Скорая». Соответствующий укол... А дальше Вы уже сами знаете. И не исключено – навсегда.

На второй день я был в Москве: в этой ситуации промедление и вправду смерти подобно. Думаю, что окружение Щербицкого не ожидало от меня такой прыти. Но больше всего их шокировало и ввело в уныние то обстоятельство, что я сумел в тот же день передать письмо с изложением «истории вопроса». Я ни на кого не «капал», а просто сообщил «диагноз», поставленный мне Вашим сподвижником. И оставил за собой право подать в суд на ВВ.

Вы отреагировали сразу же, наивно спросив через своего помощника, что, мол, предпринять? Я ответил: а ничего, просто ставлю Вас в известность о происшедшем, дабы упродить возможную фальшивку из Киева. И не ошибся: утечка информации была настолько мгновенной, что уже на следующий день, по прибытии в Киев, я это почувствовал. Меня буквально обхаживали и чуть ли не заискивали передо мной люди из окружения ВВ.

Видимо, это обстоятельство, так сказать в форме компенсации за моральный ущерб, в какой-то мере содействовало и тому, что среди других я попал в число соискателей депутатского мандата от КПСС. То есть в «красную сотню», как изволила заметить не по-женски развязная Старовойтова, которая почему-то самозвано присвоила себе право выступать сразу от имени нескольких народов и партий.

Хотя и мне было не совсем ясно, зачем создавалась эта сотня? Неужели Вы боялись «пролететь» на выборах по нормальному округу? Да ведь тогда еще «руководящая» была настолько сильна, что избрание обеспечивалось на все сто с лишком процентов!

Говорю это не задним числом, подлаживаясь под нынешнюю конъюнктуру: еще в период избирательной кампании на вопросы, как относиться к сей модели, я оценивал ее однозначно негативно, что можно легко проверить. Но я еще настолько был очарован Вашей приверженностью демократии, что, повторяю, мог усомниться в любом, кроме Вас. Да еще после упомянутого инцидента...

* * *

Тем временем демократия разворачивалась вовсю. Воочию начали проявляться и некоторые странности ее. Сначала думалось, что они объясняются то ли нашей юридической неграмотностью, то ли Вашей забывчивостью или, скорее, покладистостью перед нажимными действиями волевых натур из числа лидеров новой волны.

Я, к примеру, так до сих пор и не уразумел «Закона о выборах». Вроде бы в истоках его был заложен принцип однократности: проигравший в одном округе уже не имел права баллотироваться в любом другом. Да и избирателям в качестве кандидатов рекомендовалось ориентироваться на людей, знакомых ими не понаслышке, работающих с ними, а не на варягов.

Изрядная путаница произошла и со средствами на избирательную кампанию. Вроде бы все взыскивающие должны иметь равные условия. Но на проверку оказалось, что это далеко не так. «Партократы», нередко используя свое служебное положение, по командно-административной привычке привлекали средства подчиненных им городов и весей.

Не лучше выглядели и их оппоненты из лагеря радикалов. По несколько раз проваливаясь в разных регионах, они устремлялись со своими командами в очередной округ и, используя непросвещенность избирателей, силовой прессинг вплоть до угроз, а то и прямые подкупы, пробивали своих.

К слову, эти командос щедро оплачивались и рублями, и неизвестно откуда взявшейся инвалютой.

В этом шабаше правового и морального нигилизма весьма странную – опять же! – позицию заняли Вы, Михаил Сергеевич. В очередной раз – сбоку, во всем своем величии демократа, «не замечая» Вами же осуждавшихся нарушений элементарных, общепринятых норм. «Дошло уже до того, товарищи...» – сокрушались Вы в очередной раз и... забывали.

Вы-то «забывали» или делали вид, что запамятовали. Но многие запоминали. Отдельные всплески недовольства Вашей уступчивостью медленно, но верно перерастали в ропот, на первых порах – глухой.

Словом – воленс-ноленс – но Вы как главный архитектор и А. Н. Яковлев как главный теоретик «перестройки» настолько запутали предвыборную кампанию, что в депутаты не мог попасть лишь тот, кто этого не очень хотел. Зато каждый из новой волны, поставивший своей целью занять мандат избранника, получил его.

Демократия демократией, но есть ведь общепринятые, элементарные морально-этические критерии, по которым определяются показания или противопоказания иметь статус народного избранника. Ибо есть и такие чисто личностные качества, приобретенные или врожденные, которые в более или менее цивилизованном обществе являются непреодолимой преградой на пути к властным структурам.

Неужели Вам и Вашим многочисленным службам не был известен постнулевой моральный облик некоторых особей, остервенело рвавшихся на олимп? Тогда я еще сомневался. Ныне – уже не сомневаюсь: Вам все было известно.

* * *

Но вот состоялись выборы. Собрался I съезд народных депутатов СССР. Следовательно, представилась возможность в пределах кремлевского зала изучить весь срез нашего многонационального общества буквально за какие-то дни: мы ведь привыкли считать, что депутаты, как зеркало, отражают реальное состояние всех слоев и прослоек нашего народа.

Однако уже первые несколько дней резко поколебали этот стереотип. Ибо если предположить, что состав новоизбранного депутатского корпуса отражал действительность, то в таком случае весьма заметная часть нашего общества страдает, мягко говоря... психической неуравновешенностью. Но сие даже и в горячечном бреду невозможно представить! Следовательно, депутатский состав ни в коей мере не отражал состояние общества на 1989 год, а коли уж и был зеркалом, то весьма искривленным.

Как-то, после тяжелейшего, истеричного заседания Верховного Совета, Анатолий Иванович Лукьянов, смахивая щедрый пот с чела, сокрушенно покачал головой и полушепотом бросил: «Несчастные люди! Медики доверительно сообщили, что среди депутатов, как бы сказать помягче, многовато людей с неустойчивой нервной системой. Но что поделаешь?! Несчастные люди...»

Американцы, хорошо осведомленные по части нашего депутатского корпуса, беспечно похотывали: «Да бросьте вы сокрушаться! У нас подобных личностей не меньше, если не больше. Правда, с той существенной разницей, что в Америке они занимают свою определенную, нижнюю нишу. У вас же они почему-то оказались на верхних этажах».

Сначала и я склонился к этому расплывчатому «почему-то» и не менее пассивному «оказались». Но со временем все больше убеждался в том, что не все здесь случайно. Кому-то именно такой состав депутатского легиона был крайне необходим для далеко идущих целей.

Но это уже погода, и не я один пришел к подобному заключению. А тогда, да и гораздо позже, я еще наивно списывал вину на всех, кроме Вас. Ныне мне до боли стыдно за свои наивные возгласы: «Неужели нельзя было предположить?!» Скорее даже не стыдно, а обидно, что я так долго не верил своей интуиции.

Ибо... верил Вам. Верил, даже когда в так называемой «Воскресной моральной проповеди» на ЦТ в конце декабря 1989 года растерянно обвинял чуть ли не всех (и себя тоже!) в том, что «за последние десятилетия не раз менялись стратегические направления», что повсеместно «нарастают прагматизм, карьеризм, жестокость, раздраженность, жадность»... и когда в той же самой проповеди «размышлял» о самой вере: «В чем смысл этого феномена? Может, это – чувства? Но ведь чувства изменчивы. Может, это состояние души? Но и оно меняется под влиянием тех или иных чувств. Скорее, это все-таки некая норма, принятая всеми: обществом, человеческой общностью в целом и лично каждым. Стремление определить нечто как святыню, которая не подлежит размыванию. Если вера завизирована совестью – она истинна».

Вот так говорилось и думалось. Если с позиций сегодняшних моих и общих познаний проанализировать эти слова, то можно заметить, как подсознательно сам себя и сограждан своих успокаивал, что моя вера в одну из тогдашних «святынь» истинна и непоколебима.

* * *

Глубоко ошибаются те, кто в крайнем раздражении обвиняет Вас в предательстве всех без разбора. Да, Вы подставили несколько своих «команд» и самых, казалось бы, ближайших соратников. Но почему-то всякий раз сия горькая чаша обходила нескольких человек,

неуязвимо переходивших из одной, заложенной Вами, в очередную, намеченную к закланию, команду. Александр Яковлев, Вадим Бакатин, Евгений Примаков, Гавриил Попов, Георгий Арбатов, Анатолий Собчак, Юрий Афанасьев и еще несколько их собратьев помельче – эта связка оставалась нетронутой при всех микропереворотах и перетрясках «кадров».

Главная ошибка Ваших самых яростных изобличителей состояла в том, что они в благородном гневе не замечали «домашних заготовок» и принимали за чистую монету Ваши схватки на миру с упомянутыми выше непотопляемыми.

Они (и я вместе с ними) даже не предполагали, что уколы, наносимые Вам теми же Яковлевым, Поповым, Собчаком или Афанасьевым, – всего лишь розыгрыш для профанов. И даже искренне защищали Вас от их наскоков.

Как-то А. Н. Яковлев, расслабившись после карнавального «путча», назвал своих и Ваших противников «шпаной».

Оставляю приоритет на сей понятийный аппарат за академиком. Но совершенно очевидно, что как раз Вамто и нужны были «несчастные люди» на парламентском уровне, самая настоящая парламентская «чернь». Нет, не в том оскорбительном социальном понимании, не с тем презрительным ярлыком. «Чернь» в том духовно-нравственном смысле, как писал об этом русский мудрец Иван Ильин в «Аксиомах власти»:

«Люди становятся чернью тогда, когда они берутся за государственное дело, движимые не политическим правосознанием, но частною корыстью... Чернь не знает общего интереса и не чувствует солидарности... Она совершенно лишена сознания государственного единства и воли к политическому единению...».

Но именно «чернь», как известно, ради своих выгод, своей корысти умело выискивает себе опекунов, добровольно принимает послушание перед ними, впрочем, если нужно, успешно маскируя его («чернь на выдумки хитра...»).

* * *

Итак, собрался Съезд народных депутатов, впервые – как это назойливо подчеркивалось – «избранных демократически».

Интересное это было и глубоко поучительное действо! И зрелище.

Несколько дней я как писатель буквально утопал в роскоши познания, изучая лица, повадки, систему жестов, игру эмоций, амбиций, наигранных истерик, заранее подготовленных экспромтов, демонстрацию «смелости» мыслей, своеобразный викторианский речевой стиль, граничащий с полублатным арго; навязчивую пренебрежительность в одежде – вплоть до маек с визиткой «Мальборо»; раскованность в общении с президиумом и даже с Самим, переходящую в рискованную фамильярность: иные депутаты, переваливаясь через стол президиума – разрезом пиджака к залу, для равновесия игриво отбрасывали ногу.

Упаси Бог, сие не касается большинства нормальных депутатов, которые опасливо поглядывали на упомянутое выше агрессивное меньшинство. Эти (заимствую из излюбленного блока радикалов – «эта страна»), так вот эти с первых минут работы съезда сразу же определились в ловко сбитую стайку. Чувствовалось, что они заранее прошли соответствующий тренинг: сразу же оккупировали трибуну и микрофоны и, пользуясь неопытностью большинства, «повели» съезд.

...Не знаю почему, но первым мое внимание привлек Анатолий Собчак. Броский, в элегантно сшитом костюме, выше среднего роста, без излишних «соцнакоплений», он чувствовал себя хозяином положения. Аттестованный как «известнейший юрист», он перманентно маячил у микрофонов, подправляя и регламент, и самого Председателя, не говоря уже о коллегах, по адресу которых отпускал колкие реплики.

Острый на слово, с хорошей реакцией, с иронической улыбкой, еле скрывающей пренебрежительное высокомерие к сирым, он поначалу многих буквально очаровал.

Мне всегда импонировала – и в друзьях, и в противниках – этакая раскованность и, простите, подкупающая нахрапистость, когда и знаешь, что человек врёт в глаза, но настолько искренне, с такой веселой самоуверенностью, что вызывает... симпатию.

Думаю, не открою особых «творческих секретов», когда скажу, что в писательском арсенале заложены своеобразные «кассеты» со стереотипами определенных, хорошо изученных им типажей. И если в поле внимания оказывается новая, незаурядная личность, он подсознательно подыскивает из своего запасника схожий с «новобранцем» по психоантропным характеристикам тип, по которому, уже изученному, пытается предугадать или рассчитать, что можно ожидать и от новенького.

Наблюдая за Анатолием Собчаком, я все больше наткнулся в своем запаснике на известный образец, который с легкой руки моего гениального земляка триумфально шествует по всему миру.

Вот он в очередной раз, юрко обходя коллег, решительно продвигается к микрофону. Следует очередная филиппика – то ли по адресу выступившего перед ним, то ли по поводу президиума. Учинив эскападу, он так же уверенно возвращается на свое место, лукаво подмигивая себе: а ну, мол, как ты, дорогой коллега, будешь отмываться?

Анатолий Александрович абсолютно невозмутим, когда его, тут же, «на миру», уличают в передергивании фактов, неточностях, а то и в прямом вранье. Похохотав вдоволь, разведя руками – мол, что поделаешь, бывает, – он с такой же невозмутимостью готовится к очередному броску на микрофон. Поражают его глаза на миловидном лице: трудно уловимые, поскольку смотрят... врозь.

Да, он отталкивает и одновременно чем-то привлекает, как и бессмертный Хлестаков. Но гоголевский герой симпатичен тем, что, отчаянно привирая, подсмеивается над властями предрержащими. То есть его грешки искупаются грехами городничего и иже с ним, на которых Хлестаков честно играет.

Другое дело – Анатолий Александрович. В отличие от своего визави он сам принадлежит к властям предрержащим. Избранник и доверенное лицо народа. И если уж он «темнит», то объегоривает не власть, ибо сам – власть, а – простите за пафос – народ, избравший его. То есть сам народ оказывается в роли как бы его сообщника по обману... народа.

Какую опасность таят в себе подобные особи, свидетельствуют посттбилисские события. Ведь именно Собчак, возглавлявший комиссию по расследованию трагедии, обвинил во всем армию, обелив боевиков Гамсахурдиа как белокрылых ангелов. Именно тогда господин Собчак открыл дорогу режиму, который принес грузинскому народу страдания и человеческие жертвы, многократно превышающие тбилисский инцидент.

* * *

Господин Горбачев! Как натура тонкая и хорошо читающая с листа характеры, Вы ведь отлично «прочитали» А. Собчака от запятой до титлы. Если уж не столь опытные заметили одну ярко выраженную особенность Анатолия Александровича – начинать посылкой, которую в конце того же абзаца дезавуировать, – то Вы ведь видели Собчака в самых глубинах сокровенного.

И вот незадача: видели и знали, но почему-то он всегда оставался неуязвимо при Вас, между тем как других Вы сдавали повзводно. А не потому ли, Михаил Сергеевич, что, подобно уже названному неприкасаемым, Анатолий Собчак как тип Вам и, как ни парадоксально, Борису Ельцину был нужен?

Однажды, в минуту откровения (истинного или деланого), Вы признались, как, прогуливаясь с имярек по своим «Воробьевым горам», поклялись разрушить «эту прогнившую систему». Но коль скоро Вы не просто дети авторитарного режима, а зодчие и ревностные охранители его, то уж досконально знали, что разрушить режим, не ликвидировав партию, весьма и весьма сложно. (Оговорюсь: Вы и Ваши сообщники всегда лукаво «путали» Политбюро, ЦК, областных и районных кадровых аппаратчиков с миллионами партийцев, которые имели единственное преимущество: вкалывать и «за того парня», да еще платить партналог, отрывая от своей скудной зарплаты на содержание всего этого таинственного ордена, возглавляемого магистром, сиречь Вами, Михаил Сергеевич.)

Но вернемся к главному.

Теперь-то Ваш давний замысел понятен: для разрушения, как и для созидания, Вам нужны были соответствующие кадры, которые, как справедливо заметил Ваш духовный предтеча, решают все.

И Вы их продвинули во все структуры общественного организма. Сделав, по своему обыкновению, вид наивного неведения касательно того, что основные «кадры»-то были аттестованы далеко за пределами нашего бывшего многонационального отечества.

Но об этом мы, непосвященные, узнали лишь в 1991 году на так называемом «закрытом» заседании Верховного Совета, где документ под многократным грифом «секретно» о так называемых «агентах влияния» отважился через 14 лет обнародовать Крючков. (Никак не отвяжусь от мысли: а не эта ли информация подтолкнула влиятельных лиц ускорить переворот?)

* * *

Как ни парадоксально, но мы, отчаянно и сильно поверившие Вам, и Вы, эксплуатируя нашу веру, стремились на первых порах, по существу, к одному и тому же – кардинально изменить авторитарную, жестко регламентированную систему, демократизировать ее на универсальном праве личности, на разделении законодательной, исполнительной и судебной власти. Особенно же нас, националов, привлекала Ваша приверженность к самоопределению наций, к обретению народами СССР реального суверенитета и независимости. В не меньшей мере совпадали Ваши и наши стремления к многомыслию, многопартийности, к снятию с КПСС «руководящей роли» и преобразованию ее в парламентскую партию. Более того, мы шли дальше Вас, требуя осудить поименно верхний партэтаж и заседавших в нем членов тайного ордена за кровавые репрессии, за организацию голода 33-го. И не только осудить, но и решительно разорвать генетическую связь с компрадорской партбуржуазией и, очистившись от скверны, создать Партию социальной справедливости и защиты всех трудящихся.

Правда, последнее требование, с которым и я не единожды выступал на всех уровнях, почему-то всегда холодно встречалось и Вами, и Вашими сообщниками – самыми радикальными демократами.

Но – о горе нам, профанам! Мы по своей наивности и не подозревали, что наша истая вера в перестройку эксплуатировалась для совершенно иной (а мы-то верили!) цели. Да и откуда нам, сырым, было знать, что «перестройка», казавшаяся отечественным и лично Вашим изобретением, была спланирована... не у нас?!

Думается, «массам» небезынтересно будет узнать непредвзятое мнение коллеги из американского журнала «Тайм» за 24 февраля 1992 г.

Карл Бернштейн, взяв интервью у 75 представителей рейгановской администрации и Ватикана, пришел к выводу, что еще 7 июля 1982 года в результате встречи между Рональдом Рейганом и папой Иоанном Павлом II было достигнуто направленное против СССР, Польши

и других стран Восточной Европы соглашение о проведении тайной кампании с целью ускорить процесс распада коммунистической системы (к этой статье мы возвратимся позже).

Хочешь не хочешь, Михаил Сергеевич, но возникает вопрос, а не... успели ли «агенты влияния» еще до 1985 года пройти отличную школу и получить тренинг и четкий, транскрибированный план действия, вплоть до того, как проводить у нас избирательную кампанию и как, используя неточности и зазоры в Законе о выборах (а эти щели были заранее оставлены ими же), юридическую непросвещенность населения, как благодаря всем этим и прочим другим «уловкам-89» добыть депутатские мандаты для «своих»?

Если это так, то именно хорошо осведомленные в предвыборной неразберихе и продвинули горячий материал из самых низов, который, вроде бы стихийно, а на деле регулируемый «своими», расшатывал бы Верховный Совет и всю общественно-политическую структуру. Именно этот материал, ангажируемый из состава аутсайдеров общества (бывших узников, среди которых были не только истинные узники совести, но и без таковой; так называемых вечных неудачников; особей разных колеров – вплоть до небесно-голубого; обиженных бывших партократов и просто типов с реактивной психикой), и должен был составить ударный батальон. Его задача: «от имени самого-самого народа», но под рукой осведомленных пробить брешь в системе, в которую без боя вошли бы профессионалы. Роль комвзводов и вся черновая работа возлагалась на представителей своеобразной рабочей и люмпен-интеллигентской аристократии.

* * *

Пожалуй, еще жестче обозначил эту чернь с разрушительным инстинктом Достоевский. Не принимая его резкости, типа «сволочь», я все же должен процитировать писателя, не нарушая авторского права:

«В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не про тех так называемых «передовых» говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшею, но все же с определенной более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою из всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда попадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается... В чем состояло наше смутное и от чего к чему был у нас переход – я не знаю, да и никто, я думаю, не знает... А между тем дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать» (Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 10. Бесы. Изд-во «Наука», Ленинград, 1974, стр. 354).

Я решительно против того, чтобы одним миром мазать всех «передовых». Среди них были и есть люди чести, которые искренне и благородно стремились обновить идущее под уклон общество, дать каждому народу, каждой нации законное право самоопределиться и реализовать свое естественное, Богом данное право на государственную независимость.

Но есть ли гарантия, что среди этих, «передовых», не было и не имеется особей, следовавших совершенно иную цель, которую с холодной жестокостью определил Петр Верховенский: «Вы призваны обновить дряхлое и завонявшееся от застоя дело... Весь ваш шаг пока в том, чтобы все рушилось: и государство, и его нравственность. Останемся только мы, заранее предназначавшие себя для приема власти: умных приобщим к себе, а на глупцах

поедем верхом... Мы организуемся, чтобы захватить направление; что праздно лежит и само на нас рот пялит, того стыдно не взять рукой» (там же, стр. 463).

Так есть ли гарантия, что среди благородных «передовых» не пребывают верховенские? Положа руку на сердце, объективно оценивая сегодняшние реалии, вынужден ответить: нет таких гарантий. Ибо «заранее предназначавшие себя для приема власти» уже рушат нравственность, и едут верхом на наивно поверивших им, и, «захватив направление», не берут, а хапают обеими все, «что праздно лежит». И стоит ли распространяться по поводу того, кто оказался в роли «глупцов», на которых сегодня «едут верхом»?!

Ведали ли Вы об этом? По хорошо имитированной растерянности вроде бы и нет. И мы верили Вам, поскольку просто не допускали, чтобы, зная о вопиющих нарушениях закона о выборах, о прямых подтасовках на избирательных участках, об угрозах физической расправы в случае «неправильного голосования», о множительной технике, типографиях и валюте, поставляемых напрямую из зарубежных спецфондов в помощь радикалам, – и вправду невозможно представить, чтобы Генсек не отреагировал.

Действительно – невероятно, чтобы, зная это... Невероятно, но все упорнее склоняешься к мысли, что Вы об этом ведали, Михаил Сергеевич!

Особенно горько сознавать, что благородные порывы, высокие идеи духовного обновления, обретения национального достоинства и реального суверенитета, истинной демократии – эти высшие ценности, за которые сажали и гноили в темницах, в частности Ваше и мое поколение «шестидесятников», – из этого святого знамени был сшит маскхалат для утаивания совершенно иных замыслов.

* * *

Итак, уже в первые дни съезда начали исподволь проступать контуры некоей артели. Правда, сначала она действовала по возможности скрытно: все разработки и разборки осуществлялись за пределами Кремлевского дворца, на частных квартирах. На самом же съезде в качестве пробойного механизма был выпущен Юрий Афанасьев.

Показательная личность! Комсомольский выпестованец 50—60-х годов, он рос не по дням, а по часам, продвигаясь по иерархической лестнице. А вскоре как раз приспичило со взаимобменом «кадрами» между Францией и бывшим СССР.

В отличие от нынешних, в те времена учение за кордоном не являлось особо престижным. Посему большинство по всевозможным причинам (дома ведь ждала парткарьера!) отнекивались. Словом, коллеги тайно сговорились и выдвинули в Париж наименее (по их мнению) перспективного – Юрия Афанасьева...

Все это прошло незамеченным и для многонационального общества, и науки в частности. Как и у кого он там стажировался, но возвратился Юрий Николаевич совершенно другим человеком. И до этого не отличавшийся изысканностью стиля, он после Парижа и вовсе распоясался. К лицу приклеилась постоянная брезгливая гримаса. Голос потяжелел в купе с фигурой.

Но больше всего поразил бывших коллег бросок Афанасьева в карьере. Не особенно преуспевающий в науках, элементарно компилирующий «марксо-ленинские источники» (полистайте его диссертации); вернейший апологет соцсистемы, он занял доктора наук, потом и целый историко-архивный институт. Словом, за ним угадывалась чья-то мощная рука, все время подталкивающая вверх и манящая из-за рубежа, где он стал завсегдаем.

Взгляды, позиция и понятийно-категориальный аппарат Афанасьева настолько быстро менялись и обновлялись, что он взошел на трибуну съезда уже в третьей инкарнации – от партократ-соцдемократа – до прямого антисоветчика. За порогом еще звучало эхо его

«марксо-ленинского» голоса, а с Кремлевской трибуны он уже побивал и Маркса, и Ленина, и депутатов как «агрессивное большинство», стоящее на пути демократизации.

Таков вот Юрий Николаевич – бывший комсомольский функционер и партократ, а ныне грозный радикал.

Итак, определился треугольник острием вниз, или – как в бывшей останкинской заставке – острием в зрителя.

А на самое острие, как указывалось выше, был командирован Юрий Афанасьев. Вот этот треугольник и оформился в «Межрегиональную депутатскую группу» (МДГ). В эту, как пытались представить профанам ее оформители, невинную, даже не фракцию, а чуть ли не кружок по интересам. Так сказать, «стихийно возникшую» ячейку.

Наивное, неопытное большинство депутатов так и восприняло сие образование.

Но уж кто-кто, а Вы-то должны были знать (как впоследствии и мы уразумели), что это далеко не безгрешная артель. И образовалась она до 1985 года.

Ведь и слепому ясно: создать буквально за несколько дней так профессионально оформленную связку, со всеми признаками корпоративного ордена, могли только профессионалы. А что это не просто кружок случайных людей, а ядро будущей партии, свидетельствует блестящая информированность входящих в связку о месте и времени действия, согласованность и безупречная синхронность акций и, наконец, жесточайшая дисциплина и суровая подчиненность низа – верхам.

Я с горечью наблюдал, как один из депутатов-земляков, талантливый ученый, честный, неуступчиво принципиальный, со своей ярко оригинальной позицией, попав в межрегионалку, вдруг сник и посерел. При каждом голосовании он боязливо, из-под руки, озираясь, спрашивая глазами одному ему известного «мессира»: какую кнопку нажать? Иногда, по забывчивости, сам определялся, но, спохватившись, опять сверялся с ним глазами – и нервно-поспешно менял кнопку.

А нервничать-то было от чего и почему: треугольник имел отлично отлаженную разведсистему, весьма разветвленную сеть стукачей и соглядатаев... Там составлялись и хранились досье на всех более или менее видных оппонентов по многобалльной системе: кто, как и за что голосовал, кто как, за что, против чего и кого из «своих» выступал.

Образец подобного вопросника и другие инструкции на сей счет, в частности и за подписью Аркадия Мурашева, вы найдете в архивах почившего в бозе Верховного Совета. Если, конечно, тот же Мурашев или Баранников вкупе со Степанковым не произвели изыятие.

* * *

Одним из главных поставщиков компромата стало... поименное голосование. Представляете, как можно благородное дело превратить в подленькое соглядатайство и сексотство, когда оно попадает в грязные руки?! Наивно полагая, что действует согласно своей совести, большинство депутатов и не подозревало, что кто-то, вырвав из контекста предварительных дебатов результаты голосования и отделив их от мотивационных причин, по сим «поименным» заводит на них дела.

А коль скоро пресса, радио и телевидение уверенно и целеустремленно оккупировались «своими», то результаты поименного голосования использовались в целях всесоюзного шантажа и травли депутатов, осмелившихся иметь позицию, отличную от демократов новой волны. Причем травля шла с поразительной согласованностью домашними и забугорными рупорами.

Михаил Сергеевич, если я об этом знал, то Вы-то уж – тем более.

На что же Вы рассчитывали, демонстративно, как бы в бессилии разводя руками и уверенно сдавая одну за другой не только позиции, но и своих соратников, повзводно и поротно?

Если принять правила игры, то есть поверить в Ваше неведение, тогда как же расценивать, просто по-человечески как понять все дальнейшее?

Пасынок войны, познавший все тяготы военного времени и повоеванной разрухи, сын потомственных хлебопашцев, внук репрессированного «под кулака» деда, Вы ничем не отличались от моего поколения пятидесятых – шестидесятых годов. Босоное детство, отцовский пиджак и картуз. Рано познавший соль труда. Не в теории, а на практике: селяне приобщаются к земле с детства.

Школа. Мечты, мечты... Мы тогда еще, не в пример сегодняшним детям бизнеса, – мы тогда еще мечтали о чем-то высоком, о подвигах и, по нынешним скептическим временам, прочей романтической чепухе.

Да, мы были романтиками: «раньше думай о Родине, а потом – о себе», что ныне и вовсе вызывает гомерический хохот. А мы гордились своей Родиной, остановившей эпидемию фашизма. Мы гордились отцами – живыми и мертвыми, – победившими дотоле непобедимого врага. Мы вместе с безутешными матерями плакали над похоронками. И, как свои личные, гордо носили пилотки со звездочками.

Мы хотели быть офицерами и весело шли в армию. Мы хотели учиться не только для себя, но и для народа, для Отечества.

Да, мы были романтиками, бравируя в институтах и университетах в отцовских галифе и гимнастерках – самыми престижными «парами» тех лет.

А потом уже каждый созидал свою судьбу сам, «без лапы», – Вы, например, пошли по комсомольской и партийной линии. Вы росли динамично, Вас было видно издали, и в этом ничего нет зазорного или позорного: талант и в «этой стране» ценился. Да, Вам было нелегко пробиваться сквозь пластмассовую, обленившуюся в некоторой части – но многократно меньше, чем нынешние радикалы, – скорруптированную, хорошо защищенную номенклатуру. Еще труднее пробиться сквозь мощное силовое поле, ограждавшее от постороннего глаза тайны партордена, в святая святых его – Политбюро. Но, благодаря своей целеустремленности, таланту, воле, прекрасной реакции и чутью на новое, Вы прорвались и в этот закрытый заповедник. И мы искренне радовались, переживали и, как могли, спешествовали Вашему трудному восхождению на самый пик олимпа – на пост Генсека.

Мы были с Вами, когда решался вопрос: кто же – Гришин или Горбачев? Ибо за Вами уже четко определился имидж прогрессивного человека, дерзнувшего в корне обновить общество. Но самое главное – с пониманием относившегося к острейшим национальным проблемам. Да, пожалуй, на первых порах Вы все эти горячие точки четко обозначили и заявили. И команда соратников определилась: Егор Лигачев, Николай Рыжков, Эдуард Шеварднадзе, Борис Ельцин. Потом подтянулись Александр Яковлев, Евгений Примаков, Анатолий Лукьянов, Леонид Абалкин, Владимир Крючков, Дмитрий Язов, Нурсултан Назарбаев, Владимир Ивашко.

Нас объединяло стремление обновить, изменить, перестроить... Но более чем уверен: ни мы, низовые, ни даже верхние на олимпе – Егор Лигачев, Николай Рыжков, Анатолий Лукьянов, Нурсултан Назарбаев, Дмитрий Язов, Владимир Ивашко, да вначале и Борис Ельцин – не ведали, что это закончится изменением существующего строя. Подобная мысль была просто недопустима: чтобы в такой кровавой схватке с фашизмом отстоять, а тут «мирным путем»... Уму непостижимо!

* * *

Я здесь не оцениваю строй – плохой он или не совсем плохой, социалистический или феодальный. Я говорю о принципе – об изменении любого строя (т. е. о деянии, которое во

всякой конституции – будь то США, Англия, Камерун, Сейшельские острова, Швеция или Болгария – во всех странах квалифицируется как государственная измена).

Так вот, если по-человечески подходить к случившемуся – мог ли бывший пасынок войны, сын своих отца-матери, хлопец от «земли» – мог ли он заложить Родину, поднявшую его на самую вершину власти, – мог ли он стать отступником ее?

По человеческим понятиям – нет! Он мог ошибиться, но не предать. Мог бы кто-либо из нас даже в бреду допустить, что кто-то задумал под хоругвями обновления восстановить капиталистический строй, который – как ни верти – предполагает эксплуатацию человека человеком?!

Ныне, после глобального шока, осмысливая случившееся, все больше склоняешься к мысли, что мы совершаем еще одну, не менее тяжкую, ошибку, обвиняя только Вас и «Ваших» в содеянном. Не Вы и не Александр Яковлев с присными замысливали и готовили нам этот политический Чернобыль. Более того, даже не ЦРУ или другие спецслужбы замыслили эту чудовищную акцию: они тоже лишь реферировали, детализировали план разгрома да подыскивали и воспитывали действующих лиц и исполнителей.

Да, если поддаться эмоциям, то и вправду похоже, что А. Н. Яковлев талантливо провел операцию по реставрации капитализма в Восточной Европе и Прибалтике.

Но если допустить, что Яковлев взаправду полагал, будто это его заслуга, то и он пребывал в сиреновом неведении.

И Вы, Михаил Сергеевич, хоть и «первый немец» или «первый американец», тоже всего лишь пешка в последнем ряду сатанинской игры.

Но, в силу занимаемого положения, Вы – хотели того или нет – сыграли первую роль троянского коня, обитатели которого внедрили в сердцевину нашего духа. В результате содеяно то, чего не в силах были совершить на протяжении столетий самые коварные, изощренные и жестокие враги человечества, включая фашизм.

И самый тяжкий грех, вольно или невольно ложащийся на Вас, – даже не в реставрации капитализма (тут перестройщики явно промахнулись – капитализм западного образца у нас не пройдет!), а в политическом разврате, когда Вы на глазах мирового сообщества поочередно отдавались то заокеанским, то западноевропейским лидерам.

Возможно и вопреки своей воле, но именно Вы открыли путь тем, кто с ног на голову перевернул исконные понятия совести, чести, достоинства, верности Родине, долгу и присяге, канонизировав как добродетели первой категории – ренегатство, жульничество, коллаборантство, нигилизм, клятвопреступничество, наглое воровство, продажничество, торговлю идеями, идеалами и национальными святынями, оплевывание истории, унижение воинов Великой Отечественной и ветеранов труда. Тем, кто натравил народ на народ, на чьих руках кровь Карабаха и Цхинвала, Баку и Сумгаита, Тирасполя, Шуши, Вильнюса и Оша – всех без исключения горячих точек межэтнических схваток.

Отравив духовную ауру, они сделали нормой самое отвратительное – апологию предательства. И уже откровенные – не только по нашим, но и по законам всех цивилизованных стран – шпионы и предатели становятся героями. Типажи, подобные изменнику Родины Гордиевскому, делятся своими «воспоминаниями» как... борцы против застоя. Далеко не голубой мздоимец Артем Тарасов преподносится как невинный предприниматель. Наконец, Борис Ельцин амнистирует взяточников, опять же откровенных шпионов, вплоть до убийц. А чего не сделаешь ради того, чтобы освободить в тюрьмах и лагерях место для своих политических противников?!

И самое кощунственное – этих подравнивают к самому Андрею Сахарову как... правозащитников!

Да, при Вас, именно при Вас, Михаил Сергеевич, предательство стало нормой. И не только в нашей обгаженной стране. Страшно признаться, но дело повернулось так, что вся

страна, все мы волей-неволей стали... предателями по отношению к нашим друзьям и в бывшем социалистическом содружестве, и в арабском мире. Долго же нам придется искупать грехи, прежде чем проданные и преданные разберутся, что к чему, и простят невинным!

* * *

...Вспоминаю свою первую поездку – еще до выборов в январе 1989-го – в много-страдальный Спитак, после апокалипсического землетрясения. Сразу же по возвращении из Армении среди других попал на встречу творческой и научной интеллигенции с Вами.

В Ереване меня предупреждали, что мое намерение предложить введение в Карабахе прямого президентского правления вызовет гнев Генерального. Но я все-таки – в зловеще звенящей тишине – обнародовал его на встрече. По Вашему весьма сумрачному виду и по тому, что в отчетах средств массовой информации мое выступление было искажено до неузнаваемости (из него начисто выскоблили главную мысль), и я утвердился в том, что предупреждения имели смысл.

Оговорюсь: знаю, как болезненно остро воспринимает даже намек на президентское правление азербайджанская сторона. Да ныне и я бы воздержался от этого, но тогда, в январе 89-го да еще и в 90-м, мне казалось, что подобная модель с выводом на центр всех структур управления областью – на строго оговоренное время – развела бы враждующие стороны и охладила страсти.

Но Вы все время уклонялись от ответа, уступали право дать его то Примакову, то еще кому-то. В конце концов из документа были изъяты все более или менее конкретные предложения нашей делегации, изучавшей проблему Карабаха на месте. Таким образом, делегация оказалась между двух огней: армянская сторона обвинила нас в проазербайджанской позиции, азербайджанская – в проармянской.

Мы-то что – переживем, но переживут ли целых два народа, которые, уже и забыв о предмете раздора, просто истребляют друг друга в безотчетной, слепой ненависти?

А ситуация в Прибалтике? Первый раз я побывал там, когда и Вы удостоили своим посещением Литву, где уже раскручивался бурный водоворот страстей. По логике событий, самое время было принимать политическое решение: договариваться с противостоящими сторонами об экономической независимости республики с обязательной и однозначной защитой «некоренного» населения.

Вы же по несколько раз на дню меняли свои позиции. То ортодоксально отстаивали статус-кво: мол, и речи не может быть о независимости; то подыгрывали радикалам: берите хоть сейчас эту самую независимость. И до того запутались, что уже и вовсе начали терять контакт с аудиторией.

Но Вы всегда умели переакцентировать внимание на других. Как-то в очередной раз выпутываясь, Вы вдруг перед камерами телевидения обратились ко мне: «Вот сидит мой старый друг Борис Олейник...» Я, конечно же, мысленно расшаркался, еще не подозревая, как тонко меня примкнули к «сподвижникам». Причем на контрапункте, ведь я еще в первые дни первого съезда однозначно поддержал прибалтов в их стремлении к экономической независимости.

* * *

Но особенно остро я ощутил подставку, когда мы с группой депутатов летели гасить уже и вовсе взрывоопасную ситуацию в Литве в январе 1991 года. Прибыть предполагалось не позже 13 января. Но кто-то распорядился остановиться в... Минске на ночлег. Таким образом, мы очутились в Вильнюсе лишь утром 14 января.

И только там, продираясь к парламенту сквозь 60-тысячную толпу, бросавшую нам в лицо: «Убийцы!», я начал кое-что понимать.

Трагическая картина несколько прояснилась после беседы с Ландсбергисом и просмотра видеокассет, запечатлевших события той трагической ночи. Оказывается, именно в ночь с 13 на 14 января, когда мы ночевали в Минске, и произошла кровавая схватка, унесшая человеческие жизни.

Сопоставляя события, я теперь могу утверждать, что кто-то заранее знал о готовящейся провокации и, дабы поставить делегацию перед свершившимся, притормозил ее прибытие. Ибо, прибудь вовремя, мы бы, вне всякого сомнения, бросились гасить пожар.

Однако и ныне считаю, что хоть и с опозданием, но мы предотвратили худшее, грозившее обойтись уже сотнями человеческих жертв.

Обстановка в Вильнюсе с утра до 22.00 14 января была крайне взрывоопасной. Противоборствующие стороны жестко, если не ожесточенно, стояли каждая на своем. Растерянный Ландсбергис, созвавший около 60 тысяч литовцев на свою защиту, пытался удержать нас в парламенте, опасаясь штурма.

Мы объяснили, что – напротив – чем скорее вступим в переговоры с военными, тем лучше и для него, и для всей Литвы, и для военных, и для нас.

Военные, доведенные до крайней степени раздражения, ибо на протяжении последних недель (так они объясняли) их травила не только вся пресса, радио и телевидение, но и местные жители, обзывая оккупантами, забрасывая камнями военный городок, грубо оскорбляя, – были неуступчивы. Чувствовалось, что в войсках в отчаянье готовы на все. И без того взрывную атмосферу накаляли жены офицеров, надрывно требовавшие защиты.

Разделяя их боль, я все же пытался выяснить у военных, кто дал команду штурмовать телецентр? Отвечали – сами солдаты двинулись выручать депутацию от русского населения, которая направлялась с петицией к парламенту, но была избита.

Мы все же требовали показать приказ на подобные действия и назвать: кто конкретно из центра дал его? Генералы в который раз удалялись в сопредельную комнату на совещание.

А тем временем мы курсировали от военного городка к Ландсбергису и обратно. Тревога нарастала. И только в 22.00 наконец свели обе стороны в нашей резиденции, отменили готовящийся приказ о комендантском часе и режиме. Народ постепенно начал расходиться из-под стен парламента.

Слова бессильны передать весь накал того тяжелого дня. Не решаюсь давать и оценки действиям сторон. Напомнил же об этом зловещем фрагменте лишь для того, чтобы еще раз твердо сказать: не могли сами военные, без хотя бы устного разрешения центра, выйти из городка. Теперь, опираясь на опыт пребывания во всех горячих точках, так уж ли я буду далек от истины, если предположу, что и эта трагедия разыгралась не без Вашего ведома, Михаил Сергеевич? Как и в Карабахе, как и в Сумгаите, как и в Баку, как и в Оше, как и в Фергане, как и в Тирасполе, как и в Тбилиси, как и в Цхинвали?.. Поверьте, я страстно хочу ошибиться, но ведь сценарий один и тот же: происходит трагедия, о которой Вы, как правило, «не ведаете». И только потом, всплеснув руками, посылаете «пожарную команду», прибывающую с запланированным опозданием. На тлеющие угли, на пролитую кровь, на похороны жертв.

А Вы опять, как голубь мира, невинно парите с оливковой ветвью над руиной. И опять – «ничего не ведаете».

Ну а как же быть с донесениями агентуры кагэбэ, которые задолго до трагедий ложились Вам на стол?

Правда, Вы преимущественно пребывали за кордоном, где вас как «Посла мира» чествовали и обхаживали, вручали всевозможные премии. Но, Михаил Сергеевич, – даже

школьнику ясно, что и там, за кордоном, Вы знали все, что делается в оставленной Вами родной стране. Хотели бы Вы или не хотели, но знали, ибо такой у Вас пост.

...А посему сакраментальный вопрос – почему же Центр всегда медлил? – теперь уже отпадает сам собой. Ныне совершенно ясно, что это входило в чьи-то замыслы – «изменить общественно-политический строй». Конечно, подобное квалифицируется по старой Конституции как измена Отечеству. Смею еще раз заверить Вас, что и по старой, и по новой, и по американской, и по шведской Конституции аттестация та же самая.

* * *

Отступничество у нас стало нормальной практикой, и Вы с легкостью подставили нашего давнего союзника – Ирак. Я ни в коей мере не обеляю Саддама Хусейна (с которым Вы, кстати, накануне «по-братски» обнимались), учинившего агрессию. Это – непростительное нарушение международного правопорядка. Но где же были мы с Вами, когда намеренно в таком же стиле США буквально раздавили Гренаду, а вскоре и Панаму?!

Михаил Сергеевич, Вы же не единожды сокрушались по поводу того, что оппоненты в политической борьбе исповедуют лукавый принцип двойных стандартов. Позвольте спросить: сколькими же стандартами мы пользовались, развязывая войну в Персидском заливе? Причем даже не удосужившись разорвать с Ираком договор о дружбе и сотрудничестве. Такого коварства в мировой практике надо еще поискать!

Но Вы опять же приняли позу наивно несведущего, предоставив неограниченное право нашим представителям в ООН выступить, по существу, за развязывание войны с Ираком. И опять невинно развели руками: мол, впервые слышу. Каким же поразительным контрастом на фоне молчания всех радикалов и правозащитников по поводу агрессии США в Гренаде и Панаме, каким многозначительным контрапунктом прозвучал слаженный, истеричный хор тех же самых демократов, наперегонки осуждающих Ирак! Заметьте: не Саддама Хусейна, а Ирак, народ которого десятками тысяч методически, в упор расстреливали союзники всеми самыми жестокими видами оружия!

Но еще более странно то, что на партийном Пленуме, собравшемся в разгар «умиротворения» Ирака, даже не предполагалось дать хотя бы оценку происходящему.

Включенный в редакционную комиссию, принялся изучать проект Политического заявления. К своему изумлению, я не нашел в нем даже упоминания о трагедии в Персидском заливе! На мое предложение отразить нашу позицию в связи с этой бойней члены комиссии не отреагировали. В связи с чем я оставил своих коллег в «загашнике», а сам пошел в зал заседаний и подал записку на предмет выступления.

Очевидно, соглядатаи уже успели проинформировать президиум, о чем я собираюсь говорить: несколько моих записок остались без внимания. И лишь после того, как в очередной раз пообещал, что сам, без приглашения оккупирую микрофон, мне его предоставили. Я сказал, в частности, следующее: «...Нынешнее состояние дел в нашей стране непозволительно рассматривать вне контекста событий, происходящих в мире. А они, эти события, уже обгажены кровью.

...Сегодня во весь свой зловещий рост встала проблема, на которую мы обязаны дать незамедлительный ответ, если, конечно, еще не поздно.

Элементарная порядочность предполагает говорить правду всегда, даже когда это невыгодно глаголящему. Сей принцип должен подвигнуть коммунистов в открытую сказать о последствиях «Бури в пустыне», которая грозит перерасти в ураган третьей мировой войны. По экологическому же урону ее сегодня уже можно считать началом небывалой мировой катастрофы. Коммунисты, не сбиваясь на поиски персональных виновников, должны честно признать, что наши действия были, мягко говоря, в этой ситуации не все-

гда оптимальны. Да, агрессии Саддама Хусейна, как и любой другой, – нет прощения. Развязавший ее должен понести самую суровую кару, даже после того, как он освободит оккупированный Кувейт. И мировое сообщество в лице ООН незамедлительно начало осуществлять эти карательные акции, самой действенной из которых стала блокада. Неукоснительное исповедывание ее, уже ощутимо давившее на Ирак, моральное всемирное осуждение агрессора и другие политические действия, казалось, вселяли надежду на локализацию конфликта. Будем откровенны, ведь и мы, вплоть до рокового часа, не верили, что война разразится. Не верили, ибо, согласимся, для мирного урегулирования были использованы далеко не все рычаги.

В этой связи достойна самого пристального внимания и анализа та поспешная сверхактивность, с которой американская сторона побуждала союзников из всех вариантов принять как единственно возможный, не имеющий альтернативы, – военное вмешательство. Все это, естественно, преподносилось под благородным флагом защиты общечеловеческих ценностей. И кто осмелился подвергнуть сомнению эту высокую идею?!

Но ведь мы знаем, что США, при всей приверженности к общечеловеческому, никогда не забывали о своих национальных интересах. Причем не стеснясь определять угрозу им в любой точке планеты и, как правило, – за тысячу миль от своей территории.

Позвольте, а у нас что – нет своих жизненных национальных интересов? А ведь в то время, как американцы наблюдают за театром военных действий с дистанции в несколько тысяч верст, СССР превратился, по существу, в прифронтовое государство, поскольку война развернулась всего за 260 километров от его границы. Позволительно ли забывать и тот фактор, что значительная часть населения нашей страны мусульманского вероисповедания? Но даже если бы этот фактор отсутствовал, то не кощунственно ли говорить о ценностях общечеловеческих, если ради них бросается на смертную Голгофу жизнь сотен тысяч ни в чем не повинных иракцев, израильтян, да и союзников? Меня поражает, мягко говоря, смелость иных государственных деятелей, которые, поудобнее опираясь одним сапогом о Гренаду, а другим – о Панаму, с профессорской назидательностью вещают нам о тех же общечеловеческих ценностях, о нарушениях прав человека и прочее...

Или тут действует принцип: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку»? Но ведь подобная, признанная нами избирательность свидетельствует о том, что мы априори согласились с особой, юпитерской ролью одной стороны, любые действия которой не подлежат анализу со стороны покорно бредущих на закляние быков, в стадо которых кто-то упорно пытается загнать и нашу страну!

Я, переживший вторую войну, не хочу, чтобы далекие потомки, роаясь в свалке экологической катастрофы, нашли под пеплом обгоревшие декларации о национальном суверенитете, которые так и останутся лишь декларациями. А посему я призываю Коммунистическую партию вместе со всеми общественными движениями потребовать от Верховного Совета, Правительства и Президента обратиться к мировому сообществу с призывом любыми средствами остановить военные действия в Персидском заливе. Для этого надо немедленно созвать чрезвычайную сессию ООН и на Совете Безопасности единодушно проголосовать за прекращение методического расстрела целых народов. Одновременно надо создать национальные и международные экспертные комиссии, которые бы уже сегодня определили, чем грозят человечеству катастрофические нарушения экологического равновесия в Персидском заливе. Ибо для нас, переживших Чернобыль, промедление в этом смысле – воистину смерти подобно».

По всему было видно, что Вам весьма не понравилось сказанное. И даже шокировало, поскольку это было произнесено впервые на таком высоком уровне и прозвучало более чем диссонансом в слаженном хоре радикалов. Министр Бессмертных пробормотал что-то невнятное. Но многие поддержали мое предложение включить в Политическое заявление

Пленума последний, V пункт, гласящий: «Выражая глубокую озабоченность опасным развитием событий в зоне Персидского залива, Пленум призывает государственное руководство страны предпринять необходимые дополнительные шаги перед международным сообществом и Организацией Объединенных Наций для прекращения кровопролития, упреждения невосполнимого ущерба окружающей среде и перевода военного конфликта в русло политического решения в духе резолюций Совета Безопасности ООН». («Правда», 4 февраля, 1991 г.)

Странно, не правда ли: самый молодой «партократ» вынужден напомнить многоопытным цековцам – во главе с самим Генеральным секретарем! – об «упущении», за которым стояло тотальное уничтожение целого народа. Напоминать государственным мужам, что коль Америка считает не зазорным отстаивать свои интересы в любой точке земного шара, за многие тысячи миль от себя, то неужели у нас отсутствуют национальные интересы хотя бы за какую-то сотню миль от нас?

* * *

Словом, что это был сговор с темными силами – теперь уже не вызывает сомнения. Единственное, что еще надлежит уточнить: когда и в каком явочном регионе этот тайный сговор был окончательно парафирован? Сие вычислить не так-то просто, поскольку, как правило, после протокольного видового ряда Вы почти со всеми лидерами в дальнейшем договаривались «за закрытыми дверями». Конечно, эта форма в международной практике не исключается, но – простите за тавтологию – как исключение. В Вашей же деятельности она стала правилом. И вот теперь иди знай, о чем Вы сговаривались за спиной непосвященных соотечественников от имени... соотечественников? Простите, Михаил Сергеевич, но эти «закрытые встречи» дают простор для всевозможных, даже фантастических догадок.

Наша общественность никак не могла взять в толк, чего это, к примеру, Вас потянуло встречаться с Бушем... на Мальту? На Мальту, имевшую зловещую славу острова, где гнездились разные рыцарские ордена, где и ныне пребывают тайные штаб-квартиры темных сил.

А может, именно потому и влекло Вас туда, Михаил Сергеевич? Да еще эта мистерия с кораблями! Что, на суше не было гарантий от подслушивания, а переплеск волн и шум воды, как известно, – самый надежный защитный экран от лишних ушей? Похоже, Михаил Сергеевич...

Похоже, что сговаривались Вы с Бушем о чем-то таком (не прорабатывалась ли, как подозревают многие, и Форосская модель?), о чем-то таком богопротивном, что само Небо несколько раз во гневе разбрасывало корабли!

Позже член ВС Российской Федерации, председатель Комитета ВС России по свободе совести протоиерей В. С. Полосин с горечью заметил: «...в одной массовой газете в конце 1991 года была помещена фотография, на которой Борис Николаевич Ельцин запечатлен в облачении рыцаря-командора Мальтийского ордена, принимающего в Кремле жезл и другие знаки различия, а также оккультный орден ассирийской богини Бау. Но ведь известно, что Мальтийский орден издавна считается центром всемирного масонства. Между прочим, Б. Н. Ельцин – второй после императора Павла I высший отечественный государственный руководитель, кто бы открыто появился в одежде командора Мальтийского ордена. К сожалению, не нашлось в команде Б. Н. Ельцина человека, который бы поведал ему о судьбе Павла I».

Свидетельствуя свое глубочайшее уважение к протоиерею, осмелюсь, однако, спросить: уверен ли он, что Б. Н. Ельцин «второй»? Имею в виду не его «второе пришествие» в облачении рыцаря-командора, а тайное посвящение? Осмелюсь предположить, что – не второй и не десятый из числа соотечественников. Уверены ли мы, что на упомянутой Мальтийской встрече, кроме всего прочего, Михаил Сергеевич не удостоился быть «посвящен-

ным»? (В этой связи позволю себе не согласиться с теми, кто упорно «разрешает» только представителям одной нации быть масонами. К вящему их удивлению, скажу, что сие – дело интернациональное, и в ложах, как в лодиях, плывут и чистопородные славяне. Думаю, что и мои оппоненты согласятся: по крайней мере, Ельцин и Горбачев – не евреи.)

Как-то, уже после Фороса, Вы обронили насторожившую фразу: мол, о случившемся в августе 91-го года всю правду никто, кроме Вас, не знает и не узнает. Выходит, все, что Вы и Ваши ближние рассказывали нам о «путче», это не настоящая правда? Значит, Вам есть что скрывать?

Но тут уже моя очередь поражаться Вашей самозабвенной наивности. Да узнают, Михаил Сергеевич, узнают – даже о том, чего и Вы... не знаете! Если уже не узнали...

* * *

Словом, перед последним Пленумом ЦК КПСС, назначенным на июль 1991 г., в основном завершилось разрушение «прогнившей системы». Панорама открылась апокалипсическая: горел Карабах, истекал кровью Цхинвал, грозно зияла рана расколотой Молдавии, по разгромленному Союзу, между пылающими головешками, брели сотни тысяч беженцев с утасующими глазами, в которых умирала надежда.

Весь этот ужас сопровождался волчьим воем бюстителей «чистоты расы», истерически призывающих изгонять, а то и убивать всех «некоренных». Землю сотрясали низвергаемые памятники, вокруг шабашили, творя ритуальный танец каннибалов, ослепленные безответной ненавистью особи с перекошенными лицами невменяемых.

Между этими руинами шныряли откровенные хваты типа Артема Тарасова, которые под прикрытием кооператоров-посредников жадно набивали сундуки награбленным у потерянного народа. А в меблированных номерах новые хозяева жизни предавались разврату с «маленькими Верами». В подземных переходах какие-то амбалы двадцати-тридцати лет с характерной хрипотцой предлагали публике иллюстрированные зарубежные и отечественные пособия по технике половых сношений, включая и мужеложество.

Короче: «процесс» успешно шел к завершению. Оставалась единственная преграда на пути к полной победе «перестройки и нового мышления» – оставалась еще партия.

Более двух лет она была отстранена от активной деятельности. Но, сознательно затягивая реформу, ее коварно выставили под плевки радикалов всех мастей и прежде всего под удары перевертышей. Эти, еще вчера «беспредельно преданные», избивали ее с особым пристрастием.

И все же она еще дышала. Более того, готовилась к своему съезду, обнародовав проект новой программы, которая, при всем ее несовершенстве, выводила партию на качественно новую, на парламентскую модель.

Это, пожалуй, больше всего и всполошило радикалов, местных и дальних.

Ибо – раньше или позже – реформировавшись, она осудила бы всех перерожденцев – сверху донизу, изгнав их из своих рядов.

Но – главное – учтя прошлые ошибки, пошла бы в низы и встала на защиту людей труда от поползновений воров и спекулянтов, которые сегодня прибирают к рукам нажитое народом добро, превращая соотечественников в батраков. Поощряя разные формы собственности, политическое многоголосие (осточертел этот «плюрализм!»), неукоснительно исповедуя принцип защиты прав человека, партия, однако, не допустила бы реставрации капитализма.

Но это, похоже, сводило насмарку главный замысел. И президент в очередной раз был срочно вызван за границу (ныне все четче проступает подозрение, что Ваши закордонные вояжи, преподносимые как наши «инициативы», не планировались ли там, куда Вас время

от времени вызывали?). А в последний раз, перед августом, Вы уж и впрямь срочно были затребованы в Лондон (16–19.VII.91 г.) – на сдачу страны «семерке».

* * *

Похоже, что за границей лучше Вас знали обстановку в руководимой Вами стране. И подтверждение тому – предпоследний Пленум ЦК КПСС (апрель 1991 года).

Начало его работы прошло более или менее спокойно, в раскачке. На второй же день цекисты, не особенно церемонясь, навесили Вам все: и развал страны, и разгром партии, и предательство национальных интересов, и межнациональную резню.

Вам это, конечно, порядком надоело. И Вы решили спрыгнуть с поезда на ходу. Отряхнуться – и как ни в чем не бывало оказаться впереди и в стороне.

Момент был самый подходящий: цекисты уже не выбирали выражений. Один из них (А. М. Зайцев, первый секретарь Кемеровского обкома партии) и вправду разошелся: «... У коммунистов и трудящихся зреет мнение, что партия приносится в жертву проводимому государственному и правительственному курсу, который осуществляется от ее имени. Положение катастрофическое, антикоммунизм и капитализация экономики сегодня стали реальной политикой в Советском Союзе. Соотношение сил не в пользу партии. Сначала ее разложили идеологически, затем организационно, а сейчас хотят добить материально. Михаил Сергеевич, я бы хотел сказать, почему все-таки шахтеры добиваются Вашей отставки. Наверное, интересный вопрос. Это, я думаю, у них профессиональное. Когда в шахте авария, то они оперативно, в чрезвычайном режиме и при четкой дисциплине ее ликвидируют, зная, что, если они этого не сделают, – дальше взрыв, катастрофа. И, видя, что страна находится в аварийном состоянии, а Вы мер не принимаете, они и требуют другого лидера, который не допустил бы катастрофы. Поэтому, Михаил Сергеевич, если можете, используйте свой последний шанс».

Уцепившись за последние «советы» и оборвав Ивашко, который уже закрывал утреннее заседание, Вы вдруг закатили истерику и даже разыграли благородный гнев. И... подали в отставку.

Простите мою нескромность, Михаил Сергеевич, но я был один из тех, кто если не разгадал, то уловил смысл игры: улизнуть с поста Генсека, подставив рядовых коммунистов под очередной расстрел. Сначала – моральный, а потом и физический.

...После перерыва заседание началось без Вас, но я, исходя из своего куцега опыта, предполагал, что Вы где-то поблизости, в хорошо радиофицированном кабинете, внимательно слушаете и следите через своих информаторов за всем происходящим.

Наконец дали слово. Я, в частности, сказал: «...последовали рискованные заявления об отставке, а вы знаете, что в такой напряженный момент это чревато непредвиденными последствиями. Уже хотя бы потому, что свято место пусто не бывает. А ведь хотят многие...

Если мы сегодня протокольно хотим оформить развал партии, пожалуйста, можно сделать. Но я лично делаю замечание Михаилу Сергеевичу Горбачеву, пока что без занесения в личное дело (мне, как правило, всегда заносили в личное дело), что так не делается. Сначала мы должны навести вместе с ним порядок в доме, найти приемника, воспитать его и выяснить в этом зале, прием его или нет.

Я уже говорил, что наша страна первая в мире, которая впервые осуществила заветную мечту Бакунина, князя Кропоткина, моего земляка Нестора Ивановича Махно: то есть мы уже шестой год идем по пути анархистского выбора, правда с элементами социализма.

Но когда Президент взялся за выполнение антикризисной программы, которую, уверен, поддержат даже оппоненты, то мы должны ему помочь. И потребовать, чтобы он употребил президентскую власть и навел порядок, не нарушая демократии. Если мы и он не

хотим, чтобы пришел кто-то третий и объявил: «Граждане, Отечество в опасности», предварительно щелкнув затвором».

Уверен: сквозь несколько ироничный тон выступления Вы почувствовали, что уловка расшифрована. И больше всего, осмелюсь предположить, Вас встревожила именно последняя фраза – предостережение относительно щелкнувшего затвора.

Да, Михаил Сергеевич, Вы обладаете интуицией, которая особенно обостряется при грозящей опасности. И буквально на глазах меняете цвет мыслей и действий применительно к создавшейся обстановке.

На втором перерыве меня разыскали посыльные и препроводили в кабинет, где Вы меня встретили чуть ли не по-братски. Не знаю, заметил ли присутствовавший при сем секретарь ЦК Строев, но я уловил сквозь обворожительную улыбку... стальной проблеск на дне Ваших темных глаз. И – контрапунктом – слова: «Спасибо, Борис Ильич... А то уже черт знает что! Просто оскорбляют» и т. д. в том же «товарищеском» ключе. Короче, Вы вынуждены были дать уговорить себя отозвать отставку.

* * *

Очередной, и, как оказалось, последний, Пленум должен был окончательно уточнить проект новой Программы партии и дату съезда.

Проект Программы, конечно, страдал описательностью. И все же очертание новой модели просматривалось: партия переходила на качественно иную, чем доныне, на биологическую основу парламентской.

Наиболее слабой стороной проекта, на мой взгляд, было то, что размышлялось самое главное в преддверии рыночной стихии – защита людей труда.

Года два я на всех уровнях выступал за то, чтобы, сублимировав энергию качественно обновленной партии, сориентировать ее на утверждение идеи социальной справедливости. Готовился по сему поводу выступить на Пленуме. И, конечно же, не только советовался с единомышленниками, но и агитировал их поддержать мое предложение – разорвать навязываемую нам политическими оппонентами генетическую связь с перерожденцами, создать независимую комиссию, которая бы поименно определила вину каждого из верхнего этажа в тяжких преступлениях перед всем народом, и коммунистами в частности. Словом, начать с чистого листа, с возрождения принципа социальной справедливости – принципа исконного и вечного, который бы реально воплотила в своей деятельности партия. В этой связи я и хотел предложить новое ее название – Партия Социальной Справедливости.

...Вдруг, буквально накануне Пленума, мне предлагают возглавить парламентскую делегацию... в Парагвай. Я было запротестовал: поскольку это вообще первая – не только за советскую, но и за всю историю взаимоотношений двух стран – делегация на таком уровне, то ее мог бы возглавить и человек поопытней в дипломатических премудростях. Мне ответили, что это решил Сам.

Попытался объяснить чисто по-человечески: мол, только что возвратился из трудных и небезопасных поездок – почти без перерыва – в Молдавию и Владикавказ. Однако снова курсивом подчеркнули: это решил сам Михаил Сергеевич.

Прокралось сомнение: а может, мое присутствие нежелательно на Пленуме? Поэтому я счел своим долгом обозначить собственную позицию другим способом. Накануне отъезда сдал в «Правду» статью, которая была напечатана 25 июля 1991 г., в день открытия Пленума. В ней, в частности, говорилось: «...социальная справедливость была, есть и пребудет вечным идеалом человечества и одновременно вечным двигателем прогресса как материального, так и духовного.

В одной из предыдущих статей я и предложил уточнить название КПСС как Партии социальной справедливости, что, по моему мнению, наиболее соответствует ее изначальному предназначению.

Естественно, сразу же обозначились яростные оппоненты, обвинившие меня в попытке размыть стратегическую цель, чуть ли не «унизить» КПСС до уровня профсоюзов. Что еще раз подтвердило: охранители и ревнители идейной девственности пребывают под глубоким наркозом старых, герметических структур. Ибо Социальная Справедливость – это и есть краеугольный камень самой коммунистической идеи.

Поскольку же справедливость требует защиты, предлагаю уже сегодня при всех партийных организациях – снизу доверху, вплоть до ЦК – создавать комитеты социальной защиты (КСЗ), как малоимущих, так и грядущих безработных, которые так же неизбежны, как и сам рынок».

* * *

...Как оказалось, мне надлежало прибыть в Чили, потом – в Аргентину с полным набором протокольных визитов, вплоть до президента Менема, с предписанием – вручить ему личное послание нашего Президента и, желательно, – получить ответ. И лишь после всего этого прибыть в Парагвай. В общем, поездка растягивалась и затягивалась.

О том, что именно на этом Пленуме ожидалось отречение Генсека, свидетельствует тот факт, что первые сообщения иностранных агентств были однозначны: произошло давно ожидаемое – Горбачев отказался от социалистического выбора и признал весь предыдущий опыт нашей страны ошибочным. Да и во всех странах нашего пребывания журналисты буквально терроризировали делегацию вопросом: коль Генсек отказался от соцвыбора, следовательно, он оставляет свой партийный пост?

Но потом сообщения о Пленуме стали мягче, размытее. Почувствовалась даже какая-то растерянность: вроде бы сохраняется статус-кво.

Думаю, произошло следующее. Вспомним, как после так называемого «путча» радикальная пресса, невольно выдавая себя, возопила: надо же, как коварно повели себя партократы на пленуме! Прикинулись агнцами, дабы усыпить бдительность, и безропотно приняли все, что предлагал Генсек. Словом, сговорились.

Следовательно, радикалы, как, не исключено, и сам Генсек, жаждали совершенно иного исхода. Ожидали фронтальной атаки на Горбачева, после чего он с легким сердцем наконец-то хлопнул бы дверью и таким образом реализовал и свою заветную мечту!

Не вышло. Ибо даже самые правые и самые левые из партократов почувствовали, чем это грозит, если и не стране, то им самим. И покорно во всем согласились.

После возвращения из «загранки» стремился как можно скорее попасть в Киев. Однако – по долгу службы – обязан был сдать отчет о поездке, передать личное послание Президента Аргентины Менема нашему главе и прочее. Но поскольку отчет мы составили еще в полете, я надеялся завершить все дела за один-два дня.

В Совете Национальностей меня встретили чуть ли не с объятиями:

– Наконец-то хоть одна живая душа появилась...

– Да неужто некому поруководить вами?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.